

ББК 63.5-3

*И.И. Назаров***О родовом составе кумандинцев***I.I. Nazarov***Kumandy Family Structure**

Работа посвящена изучению рода (сеок) у кумандинцев – малочисленной этнической общности, проживающей на Юге Сибири. Рассматриваются особенности этнической идентификации кумандинцев, излагается история изучения родового состава кумандинцев, описывается номенклатура родов, выявляются иноэтнические компоненты в составе данного этноса, а также анализируются функции рода.

Ключевые слова: род, родовая структура этноса, функции рода, кумандинцы.

Обращение к теме родового состава кумандинцев вызвано прежде всего слабой проработанностью этого вопроса в историко-этнографической литературе. Между тем систематизация имеющегося материала и его глубокий анализ открывают перспективы для этногенетических исследований, а также работ, связанных с изучением антропологии, в частности фамильного состава кумандинцев, и других научных направлений.

Ярким примером продуктивности подобного рода исследований может выступать вышедшая в 2007 г. книга Е.П. Батяновой, в которой подробно рассмотрены род и община телеутов — северо-западных соседей кумандинцев [1].

В кумандинском языке, впрочем, как и в языках других тюркских народов Южной Сибири, имеется свой термин для обозначения рода – сеок. Однако есть основания сомневаться в тождестве этих понятий. В упомянутом выше исследовании Е.П. Батяновой подробно раскрывается история изучения родовой структуры народов Сибири. В частности, исследовательница указывает, что некоторые отечественные ученые еще в 1940–1950-х гг. усомнились в прямой аналогии сеока с родом, так как у сеока не имелось обязательных для рода признаков (единства территории, родовой собственности и т.п.) [1, с. 6–7].

Но, несмотря на расплывчатость самого понятия «род», оно до сих пор используется в отечественной науке наряду с другими терминами, заимствованными из трудов зарубежных этнологов. Сложившиеся в отечественной науке три подхода в изучении алтайского сеока (этногенетический; изучение структуры и функций; мировоззрения) не дают исчерпывающего ответа на вопрос о сущности сеока [1, с. 11].

Специфика родовой структуры кумандинцев нашла отражение и в их этнониме. Как считается, название

The present work aims to examine the Kumandy family (seok) – a small ethnic community in the Southern Siberia. The author considers the specific features of the Kumandy's ethnic identification, outlines the history of the Kumandy study, and presents the family nomenclature and functions, revealing foreign ethnic elements within it.

Key words: family, family ethnic structure, family functions, Kumandy.

«кумандинцы» восходит к самому многочисленному сеоку, входившему в их состав, – куманды/кубанды. Между тем сами кумандинцы именовали себя «тадарлар», «татар-кижи». Наряду с этим встречены и такие варианты самоназвания, как «куманды-кижи (кижилер)» [2, с. 40] и «кумандинцы» [3, с. 324].

Опубликованные ранее сведения, равно как и наши полевые материалы, свидетельствуют о том, что в прошлом для коренного населения Алтая большое значение имело четкое знание своей родовой принадлежности [4, с. 178]. При встрече с незнакомым человеком кумандинцы в первую очередь выясняли сеок незнакомца, задавая ему вопрос: «Каков твой сеок?» или «Толюнг кем сенг (дословно: от какого семени произошел ты)?». Отвечая на этот вопрос, собеседник должен был назвать сначала свой род (сеок), затем колено (кезек), а потом уже семью (толь) [5, с. 14].

Несмотря на кажущуюся полноту освещения в научной литературе темы этнического состава и происхождения разных групп коренного населения Алтая, имеются, тем не менее, несколько слабо изученных аспектов.

Речь идет прежде всего о *номенклатуре родов* – сеоков, входящих (или входивших) в состав кумандинцев. Для разъяснения этой проблемы необходимо еще раз обратиться к истории этнографического изучения кумандинцев в целом и их родовой структуры в частности.

Самые ранние сведения о родовой структуре кумандинцев содержатся в разнообразных архивных материалах (актах, доношениях и т.п.), относящихся к XVII в. Родовой и племенной состав населения Сибири на основе этих документов был проанализирован в известной работе Б.О. Долгих [6]. Содержащиеся в исследовании Б.О. Долгих материалы отражают прежде всего количество плательщиков ясака по

волостям. В названной книге перечисляются также кумандинские волости: Кумандинская, Солунская, Керсагальская и Чабатская, входившие в Кузнецкий уезд. Очевидно, что названия этих волостей происходят от имен сеоков. При этом Б.О. Долгих отмечает большую изменчивость полученных им сведений на протяжении всего XVII в. и даже в начале XVIII в., так как плательщики ясака активно перемещались не только в пределах Кузнецкого уезда, но часто вообще выбывали за его пределы в области, еще не обложенные данью [6, с. 106]. Приводимые Б.О. Долгих сведения все же позволяют четко локализовать перечисленные выше кумандинские волости и, соответственно, сеоки на следующей территории: Бия с ее притоками и правобережье низовий Катуня, которая в последующие столетия напрямую увязывается с территорией традиционного проживания кумандинцев.

Достоверные сведения о родовой структуре кумандинцев относятся только к середине XIX в. Они содержатся в известной работе тюрколога В.В. Радлова, совершившего поездку по кумандинским аилам летом 1861 г. Радлов перечисляет *шесть* встреченных им названий кумандинских сеоков: юты/чоты, кубанды, со (солу), тастар, тон-кубанды, чабраш/чабат. При этом сеоки со и кубанды в то время относились к зайсанству верхних кумандинцев, а все остальные из перечисленных В.В. Радловым – к зайсанству нижних кумандинцев [7, с. 96–97].

Ценные сведения о родовой структуре некоторых групп алтайцев, относящиеся к концу XIX – началу XX в., содержатся в публикации известного исследователя А.В. Адрианова «Сооки и шуточные характеристики инородческих родов (сооков)». Приводя названия сеоков, автор названной публикации не указывает этническую принадлежность того или иного рода, что в некоторой степени затрудняет работу с его материалами. Однако А.В. Адрианов сообщает ценные сведения о локализации сеоков, которые впоследствии вошли в состав кумандинцев: куманды (две волости по Бии); тастар (по Бии); калар (по Мундыбашу); челей (две самостоятельные волости – Кондомо-Елейская близ с. Солтонского и Мрассо-Елейская по Мрасу); четибер (самостоятельная волость Кондомо-Етиберская близ с. Салтонского); табыска (Тагабская волость по Чумышу); тонгул (улус Керлегешский по Чумышу); шабат (локализация не дана); кузен (волости по Бии выше впадения р. Лебедь) [8, с. 44–47].

Существенный прорыв в изучении этнической истории коренного населения южных районов Сибири произошел благодаря плодотворным исследованиям другого ученого – Л.П. Потапова, общий стаж полевых работ которого превышает 50 лет. Полевые работы среди северных групп алтайцев проводились им в конце 1920-х – 1930-е гг. Они легли в основу его многочисленных публикаций, две из которых затрагивают ранние этапы этнической истории кумандинцев.

В публикациях Л.П. Потапова мы находим упоминания следующих *восьми* сеоков кумандинцев: алтына-куманды, керзал, оре-куманды солу, тастар, тон/тонг, чабат, чооты/чоты/йоты [9, с. 57–61].

При этом непосредственно в полевых условиях Л.П. Потапов зафиксировал только *четыре* сеока: алтына-куманды, оре-куманды, тастар, и чооты. Упоминания о сеоках керзал, солу встречены исследователем только в архивах. Сеок тонг сами информаторы Л.П. Потапова «вспоминали с трудом», а вместо сеока чабат его представители отождествляли себя с алтына-куманды или оре-куманды.

Обратим внимание на еще одну исследовательницу – Н.П. Дыренкову, которая собирала фольклорный материал в кумандинских селах в те же годы. Зафиксированные ею сведения были частично опубликованы в виде статей, но большая часть полевых материалов Н.П. Дыренковой хранится в архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге и пока еще не введена в научный оборот. Анализ опубликованных работ и архивных материалов позволяет говорить о том, что Н.П. Дыренкова зафиксировала у кумандинцев *десять* родов-сеоков: алтына-куманды, калар, кузен, оре-куманды, тастар, тонгул, чедыбер, челей, чоты, шабат [10].

Одним из первых исследователей, специально обративших внимание на состав кумандинских родов, а также описавшим предания об их происхождении и шуточные прозвища сеоков, был исследователь П.И. Каралькин. Известно, что Петр Иванович Каралькин сам являлся кумандинцем, знал родной язык и обладал огромным авторитетом в среде своего народа. Кроме того, за Каралькиным закрепился авторитет прекрасного этнографа-полевика, способного качественно собирать уникальные сведения по истории и культуре тюркских народов Сибири [11].

В опубликованных и неопубликованных (архивных) материалах П.И. Каралькина содержатся упоминания о *двенадцати* сеоках кумандинцев: атына-куманды, калар, оре-куманды, тастар, тон/тоон/тонар, тонгул, чаты, челей, четыбер, шабат/чебат, алтына-шабат, оре-шабат. Из этого перечня сеоки калар, тонгул, четыбер и шабат не признавались кумандинцами как исконные, так как вошли в их состав позднее.

Разделение сеока шабат на две более мелкие родовые группы объясняется в предании, записанном П.И. Каралькиным. По этому преданию оре-шабат – это группа киргизского происхождения, а под именем алтына-шабат в состав кумандинцев был принят сеок найман/тайман [12, с. 31–33].

Глубокое изучение истории и культуры кумандинцев в последующие годы было продолжено еще одним этнографом-кумандинцем Ф.А. Сатлаевым. Результаты его исследований нашли отражение в нескольких статьях и специальной монографии. В упомянутых публикациях Ф.А. Сатлаев рассматривает и социаль-

ную структуру кумандинцев, в том числе описывает особенности их родовой структуры.

По Ф.А. Сатлаеву, в состав кумандинцев входили *семнадцать* следующих сеоков и их подразделений: алтына куманды/тюбюре куманды, калар, караба, керсагал, кузен, куманды, найман/тайман, оре куманды, со/солу, табыска (с подразделениями алтына табыска, оре табыска), тастар (с подразделениями суг тастар, таг тастар), тоон, тонгул, чедыбер, челей, чоот, шабат (с подразделениями алтына-шабат и оре-шабат).

При этом исследователь сообщал, что сеоки алтына-куманды (тюбюре) и оре-куманды являлись первоначально административно-территориальными группами; сеок кузен является тубаларским, однако считался кумандинцами наиболее близким себе; сеоки калар, чедыбер и челей были шорского происхождения, сеок тонгул — телеутского, сеок табыска возник в результате «брака верхних и нижних кумандинцев». Собственно кумандинскими, по Ф.А. Сатлаеву, были сеоки куманды, со, шабат [13, с. 21–29].

В 1980-е гг. родовой состав кумандинцев попал в сферу внимания антрополога А.Р. Кима, исследовавшего антропологический состав коренного населения северных предгорий Алтая. В архиве этого ученого, хранящемся в кабинете антропологии Музея археологии и этнографии Алтая при Алтайском государственном университете, есть перечень кумандинских сеоков, составленный А.Р. Кимом, судя по всему, на основе опубликованных и полевых материалов. Перечень содержит *восемнадцать* наименований сеоков, совпадающих с обозначенным выше списком Ф.А. Сатлаева, однако в списке А.Р. Кима присутствует еще один, ранее не фиксировавшийся у кумандинцев сеок, сартынаа-кубанды. Во время наших полевых исследований в 2000 г. в Красногорском районе Алтайского края одна из наших информаторов, отвечая на вопрос о названии кумандинских сеоков, также назвала сеок сартына, который «вроде бы раньше был у кумандинцев».

Таким образом, история изучения культуры и социальной организации кумандинцев показывает постоянную корректировку сведений о родовой структуре данного народа. Каждое следующее поколение исследователей приносило новые, более полные сведения, увеличивая тем самым список наименований кумандинских родов.

Возвращаясь к нашему опыту полевых исследований среди кумандинцев, назовем встреченные нами сеоки, с представителями которых нам приходилось непосредственно общаться: алтына-куманды, калар, кубанды/куманды, кузен, оре-куманды, табыска, тастар, тоонг, тюбюне куманды, шабат, чедыбер, челей.

Отметим также, что выявление родовой принадлежности наших собеседников в полевых условиях вызывало определенные трудности. В частности,

наши собеседники, даже пожилые люди, не могли назвать свой сеок. Особенно это было характерно для тех случаев, когда информаторы происходили из смешанных семей, т.е. один из родителей не являлся кумандинцем. Чаще всего такие браки заключались с русскими, гораздо реже встречаются браки с мордвой, немцами, белорусами. Также затруднялись обозначить свою родовую принадлежность информаторы, не владеющие родным языком.

Гораздо меньше знают о своей родовой принадлежности представители среднего поколения кумандинцев. Самое молодое поколение кумандинцев, как правило, вообще не говорящее на родном языке, не называет свою родовую принадлежность. Для кумандинской молодежи сам термин «сеок» как социальная категория в настоящее время непонятен.

Достоверные знания номенклатуры кумандинских сеоков позволяют осуществлять продуктивные *этногенетические и этноисторические исследования*. Несмотря на то, что вопросам происхождения кумандинцев, как указывалось выше, уже был посвящен ряд работ, обратим внимание на некоторые аспекты их истории, связанные с родовой структурой.

Сеоки алтына-куманды и оре-куманды, судя по всему, возникают вследствие административно-территориальных преобразований, в результате которых на территории проживания кумандинцев были образованы две инородческие волости – Верхне-Кумандинская и Нижне-Кумандинская. Административные меры оказали огромное влияние на специфику этнического состава коренного населения Южной Сибири, однако этот фактор редко берется исследователями во внимание. На слабость изучения взаимосвязи административной системы и этнического состава справедливо указывал Н.В. Екеев [14, с. 120].

Для многих кумандинцев, оказавшихся в пределах названных выше волостей, уровень родовой идентификации, по-видимому, отошел на второй план, а на первый выдвинулся фактор принадлежности к волости, что и нашло отражение в названии сеоков оре-куманды – верхние кумандинцы, алтына-куманды – нижние. Замещение родовых названий волостными было зафиксировано и описано Л.П. Потаповым [9, с. 58].

Однако традиционно характерный для кумандинцев высокий уровень миграций не только из внутри волостей, но и за их пределы привел к тому, что на территории Верхне-Кумандинской волости стали проживать алтына-куманды, а на Нижне-Кумандинской – оре-куманды. Фактор территориальной принадлежности после этого потерял значение, и названия алтына-куманды и оре-куманды окончательно закрепились как имена сеоков.

По опубликованным материалам в составе кумандинцев четко выявляются сеоки иноэтнического происхождения. Сеок чедыбер, как показывает специ-

альное исследование, предпринятое В.М. Кимеевым и Д.А. Функом, один из самых многочисленных родов, который встречается у целой группы тюркских народов Южной Сибири: кумандинцев, телеутов, шорцев и хакасов [15, с. 41–45].

Сеок челей присутствует также у шорцев и телеутов, а сеок калар, помимо кумандинцев, имеется у шорцев. Сеок кузен имеет явно тубаларское происхождение. А тонгул имеет телеутское происхождение. Сеок сарт был упомянут в XIX в. В.В. Радловым в числе телеутских сеоков [7, с. 96]. Видимо, его «след» в номенклатуре кумандинских сеоков объясняется соседством кумандинцев с телеутами.

Вхождение перечисленных выше родов в состав кумандинцев можно объяснить «смешанным характером расселения сеоков, в результате которого с кумандинскими сеоками соседствуют телеутские, шорские и т.д.» [16, с. 144].

Однако нельзя исключать и появление представителей «иноэтничных» сеоков в среде кумандинцев благодаря переселениям отдельных представителей или даже целых семей. Языковая и культурная близость коренного населения Северного Алтая, наряду со сходными природно-климатическими условиями, позволяла совершать такие переселения, не испытывая сложностей в адаптации к новым условиям. Так, например, нами было записано семейное предание от С.Г. Шахова (с. Сузоп Солтонского района), по которому предки Шаховых, принадлежавшие сеоку калар, «до революции проживали на территории Кемеровской области и платили дань в Новокузнецк. Там до сих пор есть поселки, где проживают калар». Впоследствии представители сеока калар переселились в с. Иртышкино Красногорского района (бывшего Старо-Бардинского), а затем уже переместились в Солтонский район Алтайского края.

Сеоки со, шабат, тастар, кубанды, по-видимому, можно назвать самыми древними в составе кумандинцев. На их основе и происходило в последние несколько столетий формирование современных кумандинцев.

Исчезновение к настоящему времени сеока со, вероятно, можно связать с описанным уже выше замещением родовой идентичности волостной. Вполне возможно, что представители древнего сеока со постепенно утратили свой этноним и стали называть себя закрепившимся именем волости оре-куманды.

Специфика родовой состава кумандинцев, включение в их состав на различных этапах новых сеоков послужили поводом для размышлений о «настоящих» и «ненастоящих» кумандинцах. Эти размышления бытуют в среде самих кумандинцев, которые на основе преданий о первенстве вхождения выстраивают иерархию сеоков, а также на уровне научных исследований, в трудах ученых. Здесь мы не берем во внимание размышления кумандинского краеведа

Л.М. Тукмачева, опубликованные им в виде отдельной книжки. Краевед искренне полагал, что кумандинцы как этнос сформировались еще в эпоху палеолита и во время великого потопа приплыли на плотах из Финляндии на Алтай.

Специального рассмотрения в этой связи заслуживают исследования В.Д. Славнина, затрагивающего на страницах своих публикаций некоторые аспекты традиционной культуры кумандинцев: погребальную обрядность, обряд жертвоприношения лошади, традиционный календарь, орнаментальные традиции и др. Его работы базируются в основном на сведениях, полученных от одного человека – прекрасного знатока традиционной культуры кумандинцев М.В. Кастараква, происходившего из сеока чедыбер.

В своих публикациях В.Д. Славнин приходит к заключению, что полученные им материалы в полной мере раскрывают основные аспекты этнографии верхних кумандинцев, которых исследователь именует «ядром кумандинского этноса» [17, с. 114–116]. В одной из статей В.Д. Славнин констатирует, что «верхние кумандинцы... это небольшая общность, отличающаяся заметным антропологическим своеобразием, является, видимо, ядром кумандинской народности» [18, с. 180]. А в другой публикации выражается более конкретно, что «...именно “оро куманды” должны считаться “настоящими кумандинцами”...» [19, с. 86].

В.Д. Славнин также публикует записанное от М.В. Кастараква предание, которое является, по мнению исследователя, «этногенетическим текстом верхних кумандинцев» [17, с. 115]. Предание заканчивается рассказом о том, как некогда большой и единый народ динь (по тексту – предок кумандинцев) переживает агрессию со стороны кыргызов, которые нападают на динь, перебивают их воинов, после чего остатки динь разбегаются по укромным местам в горах Алтая. От этих беглецов берут начало сеоки чедыбер, тон, тастар, челей. Однако вместе с ними, судя по преданию, стали жить и кыргызские сеоки: солу, чабат, табыска, короба [17, с. 115].

Остановимся подробнее на маркерах и функциях сеока у кумандинцев.

К числу основных маркеров сеоков обычно относят специфические знаки собственности, клейма – тамги (тангма), которые помещались владельцами на домашнем скоте, наносились на границах территориальных владений. Обнаруженные в архивах образцы кумандинских тамг, оставленные их владельцами в начале XX в. вместо личных подписей кумандинцев под документами, на сегодняшний момент – единственный достоверный источник в данном вопросе.

Опубликованные нами образцы кумандинских тамг с их пофамильной принадлежностью, однако же, не позволяют выявить четкую привязку изображения тамги (круг, полукруг, круг, перечеркнутый крестом,

крест) какому-либо сеоку [3, с. 341]. По-видимому, в начале XX в. тамга у кумандинцев уже не являлась знаком родовой собственности (поскольку таковой уже и не было), а олицетворяла личную либо семейную собственность.

Отличительными для каждого сеока являлись так называемые родовые культы, с пантеоном духов-покровителей рода. Каждому роду также приписывается наличие особо почитаемой горной вершины, что принято в специальной литературе именовать «культом гор» [20]. В настоящее время наблюдаются лишь некоторые пережиточные явления этого культа. Так, например, нами зафиксированы названия вершин, особо почитаемых среди кумандинцев: в Красногорском районе – Елтош, Казырык, в Солтонском районе – Кивда, в Турочакском районе – Салоп.

Среди характерных для культа гор атрибутов встречены также нормы, запрещающие женщинам подниматься на горные вершины. При этом сами информаторы затрудняются объяснить, с чем связан этот запрет, говорят: «Вера у нас такая».

Одним из наиболее ярких и достаточно полно описанным в литературе родовых обрядов кумандинцев является тайэлга — жертвоприношение коня духу-покровителю сеока [21]. Обряд этот практиковался в кумандинских селах до середины XX в. Как объясняют сами информаторы, тайэлгу перестали проводить после того, как власти запретили держать в личном хозяйстве лошадей. Колхозных животных на ритуальные цели, разумеется, не выделяли.

Самой устойчивой функцией сеока, представление о которой довольно четко сохраняется у старшего поколения кумандинцев, является соблюдение экзогамии. Представления о нежелательности браков между членами одного сеока довольно устойчивы в среде старшего поколения.

В течение XIX–XX вв. шли постоянные изменения функций алтайских сеоков, которые были вызваны как внешними (активная русская колонизация, ассимиляция, развитие экономических отношений), так и внутренними причинами. Частичная и полная утрата сеоком прежних функций, в конечном счете, размывает саму родовую структуру, приводит к коренной ломке всей социальной организации этноса и его культуры.

К сожалению, ход этих изменений у кумандинцев редко попадал в сферу внимания исследователей XIX в. А в XX в. в силу понятных причин ученых интересовали прежде всего такие аспекты, как «разложение родового строя» у северных алтайцев (Л.П. Потапов) [22] или развитие сельской общины у кумандинцев (Ф.А. Сатлаев) [23], при этом многие темы, связанные с родовой структурой и обрядовой сферой, совершенно выпадали за рамки исследований.

Между тем, как показало исследование М.В. Белозеровой, рассмотревшей изменения жизни шорцев в течение XX в., эти изменения были гораздо более многоплановыми [24]. Дальнейшее изучение аспектов, связанных с родовой структурой кумандинцев, позволит составить более полное представление о специфике развития этой этнической общности.

Библиографический список

1. Батянова Е.П. Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века. – М., 2007.
2. Анохин А.В. Аборигены Алтая (краткий этнографический очерк) // Краеведческие записки / Алтайский государственный краеведческий музей. – Барнаул, 2009. – Вып. 8.
3. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. – М., 2006.
4. Тадина Н.А. Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения) // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – №4/2.
5. Кастаракоев М.В. Пять тысяч родни // Родные просторы. – 2001. – №1.
6. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960.
7. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. – М., 1989.
8. Адрианов А.В. Сооки и шуточные характеристики инородческих родов (сооков) // Шорский сборник. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Вып. 1. – Кемерово, 1994.
9. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. – Л., 1969.
10. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – Ф. 3. Н.П. Дыренкова. – Д. 187.
11. Назаров И.И. Петр Иванович Каралькин и его вклад в изучение народов Сибири // Краеведческие записки. – Вып. 8. – Барнаул, 2009.
12. Каралькин П.И. Кумандинцы (по материалам Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР) // Краткие сообщения Института этнографии. – Вып. XVIII. – М., 1953.
13. Сатлаев Ф.А. Кумандинцы. Историко-этнографический очерк (вторая половина XIX – первая треть XX в.). – Горно-Алтайск, 1974.
14. Екеев Н.В. Алтайская этногония (вопросы состава, типологии, этимологии, стратиграфии) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. (Материалы, посвященные памяти А.В. Иосова). – №8. – Горно-Алтайск, 2002.
15. Кимеев В.М., Функ Д.А. Семейный состав сеока чедибер у телеутов, кумандинцев и шорцев // Полевые исследования Государственного музея этнографии народов СССР в 1985–1987 гг. – Л., 1989.
16. Дьяконова В.П., Залкинд Е.М. Рецензия на кн.: Ф. Сатлаев. Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.) // Советская этнография. – 1976. – №6.
17. Славнин В.Д. След динлинов в этико-мировоззренческих и обрядовых текстах верхних кумандинцев // Обо-

зрение результатов археологических и этнографических исследований. – Новосибирск, 1995.

18. Славнин В.Д. Архаика в духовной культуре кумандинцев: вселенная и человек, время и календарь // Методы реконструкции в археологии. – Новосибирск, 1991

19. Славнин В.Д. Типы жилищ кумандинцев // Жилища народов Западной Сибири. – Томск, 1991.

20. Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. – 1946. – №2.

21. Славнин В.Д. Жертвоприношение коня духо-покровителя рода у верхних кумандинцев (материалы) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-

монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. – М., 1994.

22. Потапов Л.П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая: материальное производство. – Вып. 128. – М. ; Л., 1935.

23. Сатлаев Ф.А. Сельская община кумандинцев во второй половине XIX — первой половине XX в. // Социальная история народов Азии. – М., 1975.

24. Белозерова М.В. Шорцы: жизнь и реформы (20-е – 60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество. – Кемерово, 2004.